

ДОБРОСОВЕСТНОСТЬ И РАЗУМНОСТЬ КАК ПРЕДЕЛЫ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ СУБЪЕКТИВНЫХ ПРАВ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ (проект № 16-03-00413).

Указывается, что содержанием злоупотребления субъективным правом является нарушение пределов осуществления прав, в качестве которых рассматриваются добросовестность и разумность. Дается характеристика данных категорий с учетом особенностей уголовно-процессуальных отношений. На основе анализа зарубежного и отечественного законодательства сформулированы определения и предложены объективные критерии добросовестности и разумности, позволяющие выявить злоупотребительное поведение лица.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство; злоупотребление правом; пределы осуществления прав; добросовестность; разумность; вина.

Вслед за Конституцией РФ и рядом международно-правовых актов Уголовно-процессуальный кодекс РФ поставил во главу угла личность, ее права и свободы; а их обеспечение, охрану и защиту определил в качестве приоритетной задачи государства. В целях реализации данного положения, а также назначения уголовного судопроизводства, закрепленного в ст. 6 УПК РФ, участникам уголовного процесса предоставлен широкий круг субъективных прав, в которых заложены волевое и рациональное начала, обусловившие возможность лиц действовать в своих целях и интересах. Так, подозреваемый и обвиняемый направляют свои усилия на то, чтобы не допустить стеснения собственной свободы и неприкосновенности, ущемления личных и имущественных прав, интересов, необоснованного подозрения в совершении преступления, незаконного и необоснованного осуждения и наказания соответственно. Потерпевший добивается обеспечения охраны и восстановления собственных моральных, культурных, материальных благ и ценностей, а также наказания лица, виновного в совершении преступления.

Между тем каждый из названных участников уголовного судопроизводства может стремиться к достижению безнравственных и противозаконных целей. Подобные стремления лица становятся предпосылкой злоупотребительного поведения, выраженного в осуществлении правовых возможностей таким способом, который создает препятствия для реализации прав и свобод другими субъектами, а также для хода уголовного процесса в целом. В этом случае индивидуальные цели, намерения вступают в противоречие с потребностями других лиц, общественными и публичными интересами, в силу чего государство не берет на себя обязательство их гарантировать и охранять. Кроме того, такое поведение не соответствует конституционному положению, изложенному в ч. 3 ст. 17 Конституции РФ о том, что осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать прав и свобод других лиц. Для предупреждения и предотвращения конфликта интересов, произвола, различного рода злоупотреблений со стороны участников уголовно-процессуальных отношений необходимо установить пределы осуществления субъективных прав [1. С. 5].

В теории права под данными пределами понимают запреты или обязанности, ограничивающие свободу управомоченного субъекта, призванные оказать внешнее упорядочивающее воздействие на мотивацию, способы, средства и характер использования заложенных в содержании субъективного права возможностей [2. С. 63]. Необходимость установления пределов осуществления права обусловлена действием общедозволительного метода правового регулирования, в связи с чем законодатель не может предусмотреть все варианты возможного поведения личности. Такая ситуация складывается и в уголовном судопроизводстве, где указанный метод действует наряду с разрешительным, а порядок совершения ряда действий отдается на усмотрение участников уголовного процесса. Это создает опасность осуществления права способом, причиняющим вред правам и законным интересам иных лиц. Представляется, что в таком случае именно границы осуществления права могут стать масштабом для определения поведения как недопустимого и злоупотребительного. При этом наличие данных пределов не означает, что лицо полностью ограничено в реализации права. Субъект в рамках обозначенных границ по-прежнему свободно и беспрепятственно использует свои правовые возможности, выбирая из тех вариантов поведения, которые уже сосредоточены в праве, регламентированном законодателем.

В юридической науке в качестве пределов осуществления права выделяют категории добросовестности и разумности [3. С. 35].

Следует отметить, что содержание указанных понятий достаточно многогранно ввиду их оценочного характера и тесной связи с такими неюридическими категориями, как мораль и нравственность. Под моралью принято понимать совокупность личных представлений индивида о добре и зле, хорошем и плохом, допустимом и запретном [4. С. 20]. Моральное сознание человека формируется при восприятии общественного бытия сквозь призму собственных ценностей, убеждений, мотивов. Составляющей такого сознания является совесть, которая играет роль личного регулятора деятельности и позволяет субъекту осознавать требования общества к своему поведению,

соотносить его с социальными нормами. В отличие от морали, нравственность предлагается рассматривать как совокупность господствующих в обществе представлений о добре и зле, посредством которых осуществляется оценка поведения лиц как социально приемлемого, желательного, допустимого [4. С. 256]. То есть нравственность рассматривается как внешний, социальный регулятор поведения личности.

С учетом природы рассматриваемых понятий под добросовестностью понимают стремление субъекта к правомерности, общественной безвредности, моральности своего поведения, иными словами, это «внутренний» предел осуществления права, который можно выразить максимой «поступай так, как этого требует твоя совесть» [5. С. 158].

Между тем такое понимание не является единственным, в литературе по этому вопросу существует несколько позиций. В соответствии с первой, добросовестность обозначает точное соблюдение всеми субъектами правовых предписаний, а также разумное, заботливое, осмотрительное осуществление лицом своих правовых возможностей [6. С. 88].

Согласно второй позиции данную категорию следует рассматривать в двух значениях: объективном и субъективном [7. С. 14]. В объективном смысле добросовестность представляет собой точное соблюдение лицом правовых предписаний, непричинение вреда в процессе осуществления субъективных прав правам и законным интересам других участников правоотношений. В субъективном смысле добросовестность выступает как невиновное заблуждение субъекта относительно противоправности своего поведения. При этом заблуждением является не только неосведомленность лица о каких-либо обстоятельствах, но и их неправильная оценка, которая приводит к нарушению прав иных субъектов. В этом понимании такое отсутствие знания о наличии юридических пороков в поступках индивида не тождественно его убежденности в том, что он не нарушает чужие права. Иначе, для признания поведения лица в качестве добросовестного ему необходимо было бы производить предварительную оценку своих действий с точки зрения возникновения возможных препятствий для реализации прав иными участниками правоотношений. Стоит подчеркнуть, что при таком толковании добросовестности она рассматривается как предел осуществления права, позволяющий отграничить правомерное поведение не только от правонарушения, но и от иных разновидностей социально нежелательного поведения, в том числе от злоупотребления правом.

Сторонники третьей позиции рассматривают добросовестность в позитивном и негативном аспектах [8. С. 42]. В позитивном понимании добросовестность означает совокупность критериев, которым должно соответствовать поведение субъекта, т.е. надлежащее использование лицом своих правовых возможностей при отсутствии негативного влияния на функционирование конкретных правоотношений. Предполагается безупречность поведения индивида с точки зрения нравственности, единство положительных мотивов и целей лица с его деятельностью. В случае если участ-

ник правоотношений добивается защиты своих действительных прав честным способом без создания препятствий для противоположной стороны, введения ее в обман, заблуждение, то такие его действия будут считаться добросовестными. В негативном смысле добросовестным осуществлением права будет считаться то, которое не направлено на причинение вреда иным лицам, обществу, государству посредством злоупотребления правом. Следует отметить, что при данном понимании добросовестность является границей только между правомерным поведением и правонарушением, к которым относят и злоупотребление субъективным правом, что свидетельствует о более узком содержании рассматриваемого понятия, в отличие от предлагаемого представителями второй позиции.

Сторонники четвертой позиции рассматривают добросовестность как невиновность, незнание лица определенных обстоятельств, являющееся одной из составляющих незлоупотребления правом [9. С. 91]. Данный подход основан на том, что злоупотребление правом принадлежит к разновидности противоправного поведения, субъективную сторону которого составляет вина в форме умысла или неосторожности. Однако характеристика злоупотребления правом как виновного поведения является не совсем корректной. С содержательной точки зрения злоупотребительное поведение представляет собой осуществление права, поэтому использование категории вины приведет к возникновению понятия «виновная реализация права». Такая формулировка не соответствует правилам формальной логики, правовым положениям, поскольку в отношении, хотя и формально правомерных действий, характеристика виновности не может быть признана допустимой.

Кроме того, состав злоупотребления субъективным правом не соответствует интеллектуальным и волевым элементам вины, которая традиционно является характеристикой правонарушения [10. С. 16]. Вина представляет собой психическое отношение лица к объективной стороне совершаемого им деяния, т.е. к общественно вредному характеру его поведения и к его общественно вредным последствиям. В зависимости от интеллектуально-волевого момента, проявляемого правонарушителем по отношению к своему деянию и его последствиям, выделяют такие формы вины, как умысел и неосторожность [11. С. 338]. В первом случае предполагается, что субъект осознает общественную вредность (опасность) своего деяния, предвидит наступление общественно вредных (опасных) последствий и желает их наступления (прямой умысел) или сознательно их допускает (косвенный умысел). Неосторожность проявляется в том, что лицо, совершившее правонарушение, предвидело возможность наступления опасных последствий своего действия или бездействия, но легкомысленно рассчитывало на их предотвращение (самонадеянность), либо не предвидело возможности таких последствий, хотя при необходимой предусмотрительности должно было и могло их предвидеть (противоправная небрежность).

При злоупотреблении субъективным правом деяние правообладателя характеризуется тем, что он осо-

знает, что его личный интерес противоречит интересу, признаваемому законодателем, и его действиями нарушаются интересы других лиц, общества и государства. Это обстоятельство обусловлено целевой направленностью действий субъекта, который намеренно удовлетворяет собственные потребности за счет наступления определенных последствий в публично-правовой сфере или создании препятствий для реализации прав иными лицами. При этом правообладатель выбирает такой способ достижения цели, который формально соответствует требованиям закона и является осуществлением права. Предпосылкой выбора субъектом этого варианта поведения обусловлена, в частности, и его осведомленность о своих правах, обязанностях, способах их осуществления, неблагоприятных последствиях, наступающих при нарушении правовых требований.

Волевая сторона поведения при злоупотреблении правом характеризуется тем, что управомоченный желает наступления неблагоприятных последствий в отношении иных лиц, общества, государства. Вместе с тем необязательно, чтобы целью носителя права являлось исключительно причинение вреда другим субъектам, достаточно, чтобы он преследовал наступление благоприятных для себя последствий, получение определенных преимуществ, но при этом допускал и относился безразлично к последствиям своего поведения для других лиц.

Таким образом, злоупотребление правом всегда совершается умышленно и осознанно, в связи с чем нельзя согласиться с мнением Т.С. Яценко и других ученых, что субъективная сторона злоупотребления может заключаться в форме неосторожности, а действия (бездействие) лица в этом случае совершаются по ошибке или заблуждению [12. С. 93].

Помимо этого, вина предполагает, что лицо понимает, что действует вразрез с законом, но при этом желает или относится безразлично к последствиям своих поступков. А недобросовестность указывает на уверенность правообладателя в том, что его действия соответствуют правовым нормам либо не урегулированы законодателем, а потому не могут быть признаны противоправными. В то же время субъект осознает, что своим поведением нарушает права и законные интересы других лиц, общества, государства. Указанные отличия позволяют сделать вывод, что злоупотребление субъективным правом является недобросовестным поведением, а не виновным, поэтому с последней позицией невозможно согласиться.

Если обратиться к зарубежному законодательству и литературе, то и в них встречаются различные толкования добросовестности как предела осуществления права. В странах романо-германской правовой системы данная категория используется в качестве общего принципа реализации субъективных прав в гражданско-правовых отношениях, как критерий, отделяющий правомерное и противоправное деяние от злоупотребления правом. Так, ст. 2 Гражданского уложения Швейцарии гласит: «Всякий при осуществлении своих прав и исполнении своих обязанностей должен поступать по доброй совести, очевидное зло-

употребление правом недопустимо». В некоторых странах категория добросовестности употребляется для регулирования более узкого круга правоотношений, в частности обязательственных. Например, § 242 Германского гражданского уложения (ГГУ) устанавливает: «Должник должен осуществлять исполнение в соответствии с доброй совестью и сообразуясь с обычаями гражданского оборота», § 842 ГГУ также употребляет данный термин, закрепляя, что лицо, умышленно причинившее вред другому способом, противоречащим добрым нравам, обязан возместить ему вред. Стоит отметить, что категория добросовестности используется немецким законодателем только применительно к запрету частных случаев злоупотребления правом, в качестве универсального критерия недопустимого осуществления правовых возможностей признается только причинение ущерба иному субъекту (§ 226 ГГУ). Однако данное нормативное положение было расширено доктриной посредством включения требования добросовестности, поскольку, как позднее было доказано учеными, осуществление некоторых прав невозможно без причинения вреда третьим лицам, но это не должно становиться поводом для признания поступков социально нежелательных злоупотребительными [13. С. 437]. При этом добросовестность в немецкой науке рассматривается в двух смыслах: как стандарт, эталон, которому должно соответствовать поведение лица (объективная добросовестность, «Treu und Glauben»), и как неведение индивида о некоторых обстоятельствах, имеющих существенное значение для реализации прав иными лицами (субъективная добросовестность, «guter Glaube») [14. С. 30]. Как можно заметить, данный подход был воспринят и частью российских исследователей.

В странах англо-саксонской правовой системы ввиду отсутствия систематизированного законодательства не сформулировано общее правило относительно пределов осуществления субъективных прав, вопрос о допустимости того или иного поведения решается в каждом конкретном случае с учетом всех обстоятельств дела. Само понятие добросовестности рассматривается как справедливость, честность, корректность, т.е., в сущности, не имеет самостоятельного значения [8. С. 43].

Следует отметить, что указанные дефиниции добросовестности, сформулированные в отечественной и зарубежной доктрине, раскрывают ее различные проявления в деятельности лица. Учитывая это, можно определить, что добросовестность – это соответствие поведения личности требованиям закона; стремление субъекта удовлетворить свои интересы юридически безупречным, социально полезным, не причиняющим вред другим лицам, обществу, государству способом. В этом случае добросовестность выступает как двуединая категория, включающая в себя и объективную, и субъективную составляющие, как критерий, очерчивающий границы допустимого и возможного использования субъективного права.

Следующим пределом осуществления права является разумность. Однако и данная правовая категория неоднозначна по своему смысловому содержанию. С точки зрения философии, под разумностью понима-

ется мыслительная способность каждого человека не только накапливать, аккумулировать уже имеющиеся знания о предметах и явлениях, но и устанавливать связь между ними и действовать в соответствии с этой связью [15. С. 16]. Такое значение рассматривается в литературе как исходное для определения разумности как правовой категории и как предела осуществления права в частности. Однако в юридической доктрине сложилось несколько позиций относительно его трактования. В зависимости от места в процессе реализации права одни авторы рассматривают разумность в объективном смысле в качестве критерия, мерила оценки поведения субъекта и субъективном – как отношение лица к своим поступкам и их последствиям [Там же. С. 63]. Другие характеризуют данную правовую категорию только с объективной стороны как обоснованность деятельности индивида [8. С. 37]. При этом при решении вопроса о разумности оцениваемые действия соотносятся с действиями человека, признаваемыми в обществе эталонными. Третьи связывают разумность с пониманием субъектом правоотношений целесообразности своих действий, со способностью видеть в них объективно полезную цель, осознанием причинно-следственных связей [16. С. 157].

Встречается понятие «разумность» и в зарубежном законодательстве, более того, оно является традиционным, в отличие от категории добросовестности, для англо-американского права. Под разумностью понимается стандарт заботливости действий, которым руководствуется средний человек, т.е. лицо, обладающее необходимым набором интеллектуальных и нравственных качеств [17. С. 383]. В этом случае учитывается только то, как поступил бы в конкретном случае нормальный человек, а не знание субъекта о последствиях своих поступков, о желании и нежелании их наступления. При данном подходе предписание поступать разумно представляется более выполнимым для каждого члена общества, поскольку не подразумевает необходимость действовать в соответствии с некими завышенными требованиями, ведь оно рассчитано на среднестатистического индивида.

Суммируя положения вышеизложенных позиций, можно прийти к выводу, что разумность как предел реализации субъективного права представляет собой соответствие поведения лица эталонной модели, соответствующей не только законодательным требованиям, но и уровню интеллекта, знаний, жизненного опыта нормального человека. То есть понятие «разумность» является объективным, но в то же время процесс самоанализа собственных поступков связан с психической, мыслительной деятельностью лица, с восприятием определенной модели поведения как эталонной и осознанием этого факта, отсюда и субъективная сторона разумности. Таким образом, разумность как добросовестность является объективной и субъективной категорией.

Рассмотренные виды пределов осуществления субъективного права являются универсальными, применимыми ко всем отраслевым правоотношениям, в том числе и уголовно-процессуальным. Между тем особый характер уголовно-процессуальной деятельности обуславливает ряд особенностей использования

категорий добросовестности и разумности. В первую очередь, в уголовном судопроизводстве следует исходить из презумпции добросовестности и разумности, т.е. предполагается, что участник уголовного процесса соотносит свое поведение с требованиями уголовно-процессуального закона и осознает последствия своих действий. Данное предположение основано на том, что в целях достижения истины по делу, получения гарантированной охраны и защиты своих прав субъекты уголовного процесса заинтересованы реализовывать предоставленные им правовые возможности разумно и добросовестно. То есть уголовный процесс воспринимает указанную презумпцию как основу взаимоотношений государственных органов и личности при расследовании и разрешении уголовных дел по существу. Вместе с тем предположение о добросовестности и разумности действий лица не исключает возможности появления нежелательного поведения, нарушающего нормальный ход уголовного процесса. В этом случае бремя доказывания злонамеренности осуществления права социально неодобряемым способом возложено на соответствующие государственные органы и должностные лица. При этом последние обладают дискреционными полномочиями в данной области и по своему усмотрению решают вопрос о наличии или отсутствии злоупотребления правом в поведении лица. Однако такое усмотрение должно быть ограниченным, поэтому ссылка лишь на недобросовестность и неразумность субъекта процесса недостаточна. Иначе это приведет к произвольной оценке поведения участников уголовного судопроизводства как недопустимого, злоупотребительного, а следовательно, к необоснованному ограничению субъективных прав личности.

В связи с этим должны быть установлены объективные критерии добросовестности и разумности, которыми бы руководствовались властные субъекты при осуществлении правоприменительной деятельности. Такими критериями могут быть: соблюдение требований уголовно-процессуального закона; соответствие способа осуществления права его назначению; не противоречие действий субъекта уголовного процесса его предшествующему поведению; отсутствие вреда в результате реализации правовых возможностей. Поведение, соответствующее перечисленным условиям, следует считать добросовестным и разумным, в противном случае оно может быть расценено как недопустимое и злоупотребительное, влекущее за собой соответствующую реакцию со стороны государства. Если же при анализе способа осуществления права участниками уголовного процесса должностные лица руководствуются только внутренним убеждением, публичными интересами, то их поведение следует расценивать как превышение полномочий, которое должно влечь за собой применение к властным субъектам мер уголовно-процессуальной ответственности.

Таким образом, добросовестность и разумность как пределы осуществления права нацелены на преодоление безответственной реализации прав участниками уголовного судопроизводства, а также на разрешение возможного конфликта интересов

при отсутствии или неопределенности правовых норм. Однако достижение одновременного обеспечения реальности беспрепятственного осуществления прав всеми субъектами и нормального функци-

онирования уголовного процесса становится возможным только при закреплении объективных критериев, минимизирующих оценочный характер рассмотренных категорий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андреева О.И. Пределы проявления диспозитивности в уголовном судопроизводстве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 1994. 28 с.
2. Грибанов В.П. Осуществление и защита гражданских прав. М. : Статут, 2000. 411 с.
3. Ибрагимова М.В. Злоупотребление субъективным гражданским правом: понятие, сущность, виды и последствия : дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2005. 161 с.
4. Дробницкий О.Г. Проблемы нравственности. М. : Наука, 1977. 333 с.
5. Малиновский А.А. Злоупотребление субъективным правом (теоретико-правовое исследование). М. : Юрлитинформ, 2007. 352 с.
6. Бармина О.Н. Злоупотребление в праве. Как обеспечить добросовестное использование прав? // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2013. № 4 (1). С. 86–90.
7. Дроздова Т.Ю. Добросовестность в российском гражданском праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Иркутск, 2004. 26 с.
8. Юдин А.В. Злоупотребление процессуальными правами в гражданском судопроизводстве. СПб. : Издат. Дом С.-Петерб. гос. ун-та, 2005. 360 с.
9. Емельянов В.И. Разумность, добросовестность, незлоупотребление гражданскими правами. М. : Лекс-Книга, 2002. 160 с.
10. Мален Н.С. Правонарушение: понятие, причины, ответственность. М. : Юрид. лит., 1985. 192 с.
11. Иоффе О.С., Шаргородский М.Д. Вопросы теории права. М. : Гос. изд-во юрид. лит., 1961. 381 с.
12. Яценко Т.С. Категория шиканы в гражданском праве: история и современность. М. : Статут, 2003. 157 с.
13. Эннексерус Л. Курс германского гражданского права: введение и общая часть. М. : Изд-во иностранной литературы, 1950. Т. 1, пол-лутом 2. 483 с.
14. Whittaker S., Zimmermann R. Good faith in European contract law. Cambridge University Press, 2000. 703 p.
15. Виниченко Ю.В. Разумность в гражданском праве Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук. Иркутск, 2003. 190 с.
16. Кузнецова О.А. Презумпции в гражданском праве. СПб. : Юрид. центр Пресс, 2004. 349 с.
17. Elizabeth A. Martin. Oxford Dictionary of Law. Oxford : Oxford University Press, Fifth edition, 2003. 624 p.

Статья представлена научной редакцией «Право» 12 апреля 2016 г.

GOOD FAITH AND REASONABLENESS AS LIMITS OF RIGHTS IN CRIMINAL PROCEEDINGS

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2016, 407, 186–191.

DOI: 10.17223/15617793/407/29

Zheleva Olga V. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: zheleva.olga@gmail.com

Keywords: criminal proceedings; abuse of right; limits of rights; good faith; reasonableness; guilt.

Human rights and freedoms are the supreme values guaranteed by the state. For the purpose of implementing this constitutional provision in the course of criminal proceedings, the state vests their participants with a wide range of rights. However, while realizing his/her rights, each participant of criminal proceedings can act in his/her illegal, immoral interests and do harm to other participants, society and the state. In law such a behavior is called the abuse of right and is inadmissible. In order to prevent the negative consequences of the abuse of right, legislators establish the limits of rights. The limits in this case imply the boundaries of the right within which a person is free to choose the options for his/her own behavior. The article deals with such limits of rights as good faith and reasonableness. It has been noted that the content of the above concepts is ambiguous, because of its evaluative nature and connection with the categories of morality and ethic. The article cites several opinions on the essence of good faith. First, good faith means the desire of a person for legality, public safety, morality of his/her behavior. Second, it is a strict observation of legal regulations by all participants. Third, good faith has both an objective and subjective meaning. In the objective sense, this phenomenon is the proper use of rights and freedoms, in the subjective sense good faith is the innocent participant's delusion regarding the illegality of his/her own conduct. Moreover, the article differentiates the concepts of good faith and innocence, indicates the independence of these categories. Having analyzed the foreign and Russian legislation, the author developed her own definition of good faith as a limit of right. The article notes reasonableness as one more limit of the rights. The article deals with the objective and subjective sense of this phenomenon. Reasonableness is a respective criterion, measure for evaluation of the participant's behavior and the person's attitude to his/her own actions and their consequences. The article emphasizes that the right's limits in criminal proceedings have certain features. Firstly, the presumption of good faith and reasonableness of the participant's behavior in the course of criminal proceedings should be taken into account. Secondly, it is up to the relevant government bodies and officials to prove the violations of these limits. In order to overcome the excessive discretion of power in solving this issue, the article proposes the objective criteria of good faith and reasonableness. The author believes that such a normative regulation will promote the unimpeded realization of rights by all the subjects and encourage a normal functioning of criminal proceedings.

REFERENCES

1. Andreeva, O.I. (1994) *Predely proyavleniya dispozitivnosti v ugovnom sudoproizvodstve* [Limits of optionality display in criminal proceedings]. Abstract of Law Cand. Diss. Tomsk.
2. Griбанov, V.P. (2000) *Osushchestvlenie i zashchita grazhdanskikh prav* [The implementation and protection of civil rights]. Moscow: Statut.
3. Ibragimova, M.V. (2005) *Zloupotreblenie sub"ektivnym grazhdanskim pravom: ponyatie, sushchnost', vidy i posledstviya* [Abuse of subjective civil law: concept, essence, types and effects]. Law Cand. Diss. Ryazan.
4. Drobniyskiy, O.G. (1977) *Problemy nrvstvsnosti* [Issues of morality]. Moscow: Nauka.
5. Malinovskiy, A.A. (2007) *Zloupotreblenie sub"ektivnym pravom (teoretiko-pravovoe issledovanie)* [Abuse of a subjective right (theoretical and legal research)]. Moscow: YurLitinform.

6. Barmina, O.N. (2013) The abusing of the law. How to provide the good use of the rights? *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta – The Bulletin of Vyatka State Humanities University*. 4 (1). pp. 86–90. (In Russian).
7. Drozdova, T.Yu. (2004) *Dobrosovestnost' v rossiyskom grazhdanskom prave* [Good faith in the Russian civil law]. Abstract of Law Cand. Diss. Irkutsk.
8. Yudin, A.V. (2005) *Zloupotreblenie protsessual'nymi pravami v grazhdanskom sudoproizvodstve* [Abuse of procedural rights in civil proceedings]. St. Petersburg: St. Petersburg State University.
9. Emel'yanov, V.I. (2002) *Razumnost', dobrosovestnost', nezloupotreblenie grazhdanskimi pravami* [Reasonableness, good faith, non-abuse of civil rights]. Moscow: Leks-Kniga.
10. Malein, N.S. (1985) *Pravonarushenie: ponyatie, prichiny, otvetstvennost'* [Offense: concept, reasons, liability]. Moscow: Yuridicheskaya literatura.
11. Ioffe, O.S. & Shargorodskiy, M.D. (1961) *Voprosy teorii prava* [Law theory issues]. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo yuridicheskoy literatury.
12. Yatsenko, T.S. (2003) *Kategoriya shikany v grazhdanskom prave: istoriya i sovremennost'* [The chicane category in civil law: history and modernity]. Moscow: Statut.
13. Enneccerus, K. (1950) *Kurs germanskogo grazhdanskogo prava: vvedenie i obshchaya chast'* [The course of German civil law: introduction and general part]. Translated from German. Vol. 1:2. Moscow: Izd-vo inostrannoy literatury.
14. Whittacker, S. & Zimmermann, R. (2000) *Good faith in European contract law*. Cambridge University Press.
15. Vinichenko, Yu.V. (2003) *Razumnost' v grazhdanskom prave Rossiyskoy Federatsii* [Reasonableness in the civil law of the Russian Federation]. Law Cand. Diss. Irkutsk.
16. Kuznetsova, O.A. (2004) *Prezumpcii v grazhdanskom prave* [Presumptions in civil law]. St. Petersburg: Yuridicheskiy tsentr Press.
17. Martin, E.A. (2003) *Oxford Dictionary of Law*. 5th ed. Oxford: Oxford University Press.

Received: 12 April 2016